

- ² Мерзоева З. Концепты родства в молодежном языковом сознании русских и ингушей : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2009. С. 5.
- ³ См.: Алефиренко Н. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М., 2008. С. 23 ; Телия В. Русская фразеология. М., 1996. С. 214.
- ⁴ См.: Алефиренко Н., Золотых Л. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. М., 2008 ; Бирих А. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2005 ; Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. М., 2006 ; Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М. ; Вена, 2004 ; Русский семантический словарь : в 4 т. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998–2007 ; Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М., 2007 ; Словарь русского языка : в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1999 ; Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М., 1978 ; Фразеологический словарь современного русского литературного языка : в 2-х т. / под ред. А. Н. Тихонова. М., 2004.
- ⁵ См.: Балясникова Е. Гиперконцепт СЕМЬЯ/ДОМ – FAMILY/HOME в русской и английской лингвокультурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. С. 8.
- ⁶ См.: Caseell's Dictionary of English Idioms. RFS, 2002 ; Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge University Press, 1998 ; English Idioms in Use. Cambridge University Press, 2002 ; Oxford Dictionary of Idioms. 1998 ; Алехина А. Идиоматичный английский. М., 1982 ; Кушин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1967.

УДК 811.133.1'272+811.153.2'272

ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЫ НИЖНЕЙ БРЕТАНИ

А. С. Бухонкина

Волгоградский государственный университет
E-mail: bukanna@inbox.ru

В статье анализируются факторы, способствующие вытеснению бретонского языка и изменению коммуникативной ситуации в Нижней Бретани в XIX–XX вв. Описываются принципы языковой политики Франции, формы и последствия введения всеобщего школьного образования, а также значение мировых войн для унификации коммуникативного пространства региона.

Ключевые слова: языковая политика, коммуникативная ситуация, мажоритарные и миноритарные языки, бретонский язык, французский язык

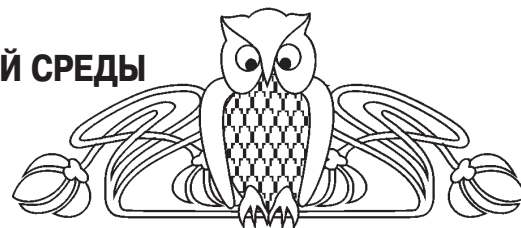
Evolution Factors of the Communicative Sphere in Lower Brittany

A. S. Bukhonkina

In this article the factors promoting the replacement of the Breton language and the change of a communicative situation in Lower Brittany in the XIX–XXth centuries are analyzed. The principles of language policy of France, forms and consequences of the introduction of general school education, as well as the importance of the world wars for the unification of the communicative space of the region are described.

Key words: language policy, communicative situation, majority and minority languages, the Breton language, French.

Языковая политика Франции в последние три столетия была направлена в основном на вытеснение миноритарных языков из коммуникативного пространства регионов с целью укрепления позиций французского языка как единственного средства общения, объединяющего всю нацию. Бретань не явилась исключением: принципы языковой унификации, начавшейся после революции

1789 г. и усилившейся в начале XX в., в Бретани насаждались последовательно и жестко, как ни в каком другом французском регионе.

Интерес научного сообщества к изучению францизации аллолотных французских регионов подтверждают многочисленные работы историков, социологов, лингвистов¹. В большей их части отмечается, что в начале XX в. на фоне усиления общегосударственной политики францизации серьезными факторами, способствующими смене основного языка общения в Бретани с бретонского на французский, явились повсеместное обучение бретонских детей в школах с французским языком и массовый призыв бретонских мужчин на службу во французскую армию.

После 1789 г. универсализация школьного образования на французском языке стала одной из доминирующих идеологических установок французских властей. По мнению идеологов того времени, французский язык должен был стать одной из «скреп» общества, разделенного по лингвистическому принципу. Согласно этой позиции одним из главных барьеров на пути к лингвистическому объединению нации выступали языки автохтонного населения ряда регионов, в частности языки Бретани. Неслучайно одним из первых указов нового времени стал декрет Бертра на Барера, предписывающий назначение учителя французского языка в каждую коммуну нефранкоговорящих департаментов. Должность учителя была названа в то время *instituteur*, так как он был призван «собирать воедино, образовывать» нацию

(от фр. глагола *instituer*)². С начала XIX в. владение региональными языками, пренебрежительно называемыми говорами (*patois*), рассматривалось как признак отсталости, безграмотности, а также как один из факторов задержки экономического и культурного развития. В частности, многие представители региональной власти и чиновники от образования были непримиримыми борцами с бретонским языком. В одном из распоряжений супрефекта Финистера от 1845 г., адресованного учителям начальной школы, значилось: «...запомните же, что единственная цель вашего назначения – это убить бретонский язык». К такого рода высказываниям можно отнести обращение к учителям начальной школы инспектора образования Финистера в 1897 г.: «Единственный принцип, который никогда не должен быть смягчен, – ни одного слова на бретонском языке в классе или на перемене. Нужно объявить войну этой тарбаршине (*charabia*)»³.

Послереволюционные режимы – Июльская монархия и Вторая империя – хотя и не отказывались от идеи распространения национального языка в школе, не предпринимали решительных действий по ее внедрению. Несоответствие между заявленной государственной программой и ее реальным воплощением в регионах в первой половине XIX в. способствовало двойственному отношению к использованию региональных языков самими школьными учителями. Опрос, проведенный Министерством публичного образования Франции в 1864 г., показал, что в Нижней Бретани около 70% учителей начальной школы используют бретонский язык наравне с французским, а 6% ведут занятия исключительно на бретонском языке⁴. Приблизительно такие же показатели были зафиксированы в департаментах Кот-дю-Нор и Морбиан. Общий итог министерского отчета сводился к тому, что 84% жителей Нижней Бретани были монолингвами и владели только бретонском языком. Как справедливо замечает Андре Шервель, «если французский язык и входил в образовательные программы, то со времен Французской революции до эпохи Жюль Ферри нет ни одного закона, ни одного декрета, который предписывал бы обязательное его использование в школе»⁵. Некоторые из чиновников середины XIX в. ратовали даже за сохранение билингвизма в бретонской школе, подтверждением чему является законопроект от 1831 г., предложенный министром народного образования П. Монталиве.

Провозглашение Третьей республики изменило не только политический ландшафт Франции, но и общий вектор лингвистической политики в образовательной среде аллолотных регионов, в первую очередь Бретани и Корсики. Новый политический режим пошел дальше якобинской риторики о необходимости сведения языкового многообразия до единого национального языка и применил более решительные меры по внедрению принципов республиканской идентичности.

Пункт 14 Положения о школьном образовании от 6 июня 1881 г., провозглашающий «французский язык единственным языком, который может применяться в школе»⁶, стал одним из основополагающих принципов создания светского школьного образования во Франции. Замена религиозного образования светским неизбежно ударила по региональным языкам, так как обучение при аббатствах и монастырях велось, как правило, на родном для учащихся языке.

По примеру других региональных языков бретонский с тех пор был на долгое время полностью исключен из образовательного пространства. Языковая гомогенизация образовательной среды в Бретани, как в специфическом регионе, потребовала от республиканских властей особых принудительных мер, сопряженных подчас с неэтичным поведением учителей и развитием на этой основе комплекса языковой неполноценности бретонских детей. Ярким примером тому служит использование «символа» (*symbol*), называемого в Бретани «*vache*» – предмета (деревянный башмак, грифельная или деревянная дощечка с надписью «бретонец» или «я говорю по-бретонски»), который вешали «провинившемуся» ученику на шею, если тот произносил хотя бы одно слово на бретонском языке на уроке или во время перемены.

Такая педагогическая практика имела целью исключить из школы любой язык кроме французского и на этой основе устранить проявление этноязыковой солидарности бретонцев. Показательной в этом отношении стала фраза, распространявшаяся во всех бретонских школах, – «*défense de cracher par terre et de parler breton*» («запрещено плевать на землю и говорить по-бретонски») ⁷. Впоследствии это высказывание стало нарицательным и часто упоминалось в контексте политики языкового централизма в Бретани. Одно из известных произведений Яна-Бера Периу (*Yann-Ber Piriou*) – бретонского писателя и поэта, профессора Университета Ренн 2 – носит именно такое название⁸.

Наказание бретонских детей за общение на родном языке не ограничивалось школьными стенами. П.-Ж. Элиас, описывая жизнь обычной бретонской семьи после Первой мировой войны, следующим образом характеризует будни маленьких бретонцев: «За использование бретонского языка наказывали еще и дома. Родители, которые сами не говорили по-французски, считали, что, отправляя ребенка в школу обучаться французскому языку, они приносят определенную жертву, так как в это время ребенок мог бы присматривать за коровами или за младшими братьями и сестрами. Задача малышей, таким образом, заключалась в быстром усвоении французского языка. Говоря же по-бретонски, дети пренебрегают этой работой, впустую тратя время. А чего заслуживает тот, кто пренебрегает работой? Конечно, хорошей взбучки, чтобы научить уму-разуму...»⁹.

Столь радикальная реализация одной из главных французских идеологием того времени «одна нация – один язык» в таком монолитном с точки зрения языка регионе, как Бретань, не приносила ожидаемых результатов. В этих условиях властям необходима была новая методика обучения французскому языку в Бретани, которая бы эффективно и гармонично сочеталась с новыми образовательными и политическими ориентирами. Подобная методика возникла в скором времени. Автором ее стал Ириней Карре (Iginée Carré) – государственный инспектор начальной школы, противник применения жестких мер по насаждению французского языка, в том числе практики использования «символа», которую он считал «антипедагогичной»¹⁰. Основное положение этой методики, названной позже «методикой Карре», заключалось в отказе от метода «перевода», широко применяемого в бретонских школах того времени, то есть в полном отказе от бретонского языка как посредника между французскими словами и бретонскими детьми. «Ученик, который только переводит, никогда не научится думать на том языке, который он изучает. Всякий раз, когда он хочет заговорить, он сначала думает на своем родном языке, а затем старается перевести это на другой язык»¹¹. И. Карре предлагал во время занятий воспроизвести условия, в которых ребенок осваивает свой родной язык дома. Учитель должен поступать так же, как мать, обучающая ребенка говорить, то есть произносить слово, указывая на предмет, который оно обозначает, не прибегая при этом к языку-посреднику.

Если опустить все «за» и «против» методики Карре, которая на тот момент была новаторской и позволяла в относительно короткие сроки увеличить количество детей, говорящих на французском языке, и обратиться к идеям инспектора, которыми он ее обосновывает, то становится очевидной ее идеологическая составляющая, доминирующая над педагогической. В этой методике, к примеру, следующим образом обосновывается «ненужность» бретонского языка: «Даже если на нем еще разговаривают, бретонский не является живым языком, <...> он больше не развивается, а деформируется с каждым днем все больше, на сегодняшний день это настоящий мертвый язык. За неимением своего Гомера или Вергилия он никогда не станет, как греческий или латинский, способом сохранения культурных ценностей»¹². С учетом французской лингвистической идеологии того времени (которая была достаточно изучена и опровергнута)¹³ и общего исторического контекста высказывания инспектора, которые сейчас кажутся сомнительными, не воспринимались как этноцентрические предрассудки и были лишь продолжением общего, зачастую презрительного, отношения к Бретани. Что же касается языковых навыков, которые бретонские дети приобрели до начальной школы, И. Карре считал их настолько незначительными, что они не заслуживают быть

принятыми во внимание. Согласно недавним исследованиям¹⁴, аргументы, которые приводит Карре в пользу отказа принимать во внимание родной язык бретонских детей, не имеют научного обоснования. В значительной степени они являются выражением распространенного в то время тезиса о том, что языки отражают степень развития народов, которые на них говорят.

Следующее обстоятельство, серьезно осложнявшее изучение французского языка бретонскими детьми, касалось использования школьных учебников, совершенно не адаптированных к бретонской действительности того времени. Университетский преподаватель и бретонский писатель Жан Роу (Jean Rohou), который в 1939 г. пошел в школу в бретонском городке Плугурвест, как и все его сверстники, не знал ни слова по-французски. В романе «Fils de Ploucs», описывая свой первый урок французского языка, он приводит в пример фразу, которую ему предложили прочесть: «*Zoé attend l'autobus au carrefour de l'avenue*» (Зоэ ждет автобус на пересечении авеню), и комментирует ее следующим образом: «В маленькой сельской коммуне, откуда я был родом, не было никакой Зоэ, еще меньше автобусов, ни одной авеню и уж тем более пересечений авеню; был один, максимум два перекрестка»¹⁵. Таким образом, с первых дней школьной жизни дети сталкивались с достаточно агрессивной средой, не учитывающей ранее приобретенные ими навыки родной речи и культивирующей чувство языковой и этнической неполноценности. В связи с этим освоение французского языка бретонскими школьниками шло медленно и с большим трудом.

Более быстрыми темпами французский язык в Бретани стал отвоевывать позиции после Первой мировой войны: сокращалось бытовое общение на бретонском языке, прерывалась поколенческая языковая трансмиссия, усиливался престиж французской речи, продвижение по карьерной лестнице франкоговорящих сотрудников шло намного быстрее, нежели бриттофонов. Психологический фактор также играл свою роль – бретонский язык действительно становился показателем отсталости, необразованности, некой «отметиной», от которой бретонцы старались так или иначе избавиться. По словам Р. Ле Коадика, «бретонцы были закомплексованы, они пережили опыт негативной идентичности, стыдились самих себя, над ними довлела тяжелая эмоциональная ноша, связанная с бретонским языком и его дискредитацией»¹⁶. Заметим, что до середины XX в. в Бретани имела место ситуация устного билингвизма, когда бытовое общение осуществлялось на бретонском языке, а за другими коммуникативными сферами был прочно закреплен французский язык. Э. Абалэн следующим образом обозначает внутрисемейный процесс перехода с бретонского языка на французский: «В 1950–1960 гг. для многих семей

в Нижней Бретани сложилась парадоксальная ситуация: живя под одной крышей, дедушки и бабушки были бретоноговорящими монолингвами, родители были билингвами, а дети были франкоговорящими монолингвами»¹⁷. Кроме того, если бретонский был средством общения традиционных профессиональных групп (моряков, фермеров, ремесленников), то деловые сделки даже этих же отраслях требовали обязательного использования французского языка.

Появление ежедневной национальной прессы также способствовало распространению французского языка в регионе, так как бретонский читатель мог узнать из национальных газет больше информации, нежели из региональных изданий на бретонском языке. Практика бретонского языка сокращалась на фоне развития общего цивилизационного и технического прогресса. Появление железных дорог в Ренне в 1857 г., Ванне, Лориене и Сент-Брие в 1862 г., в Квимпере в 1863 г., в Морлэксе и Бресте в 1865 г. благоприятствовало развитию туризма и давало бретонцам возможность путешествовать, что требовало совершенствования знания французского языка. В то же время благодаря расширению железнодорожного сообщения в Бретань в массовом порядке стали отправлять гражданских и военных чиновников, что также содействовало францизации региона. В одном из писем чиновника Р. А. Амона от 1841 г. по этому поводу находим следующее замечание: «Железная дорога за 10 лет больше научит бретонцев французскому, нежели самые умелые учителя начальной школы»¹⁸. Кроме того, железнодорожное сообщение облегчило миграцию тысяч бретонцев в столицу и крупные города Франции.

Большим ударом по миноритарным языкам Франции стало введение в стране обязательной военной службы в 1872 г. Оказавшись во франкоговорящей среде, новобранцы из разных регионов Франции были вынуждены использовать французский язык в качестве единого средства общения. Кроме всеобщей воинской повинности позиции миноритарных языков существенно ослабили последствия двух мировых войн – 1914–1918 гг. и 1939–1945 гг. Во время Первой мировой войны более 120 000 бретонских солдат были убиты и числились пропавшими без вести¹⁹. Что касается выживших, то, проведя пять лет во франкоязычной среде, они теряли связь со своим родным языком, открывали для себя другой образ жизни, предпочитая идентифицировать себя скорее как французов, нежели как бретонцев. Большая часть из них по окончании двух войн предпочитала жить в городах, так как уровень жизни и заработка там были несопоставимо выше, чем в маленьких бретонских городках и деревнях. В. Т. Клоков по этому поводу пишет: «Совместное пользование французским языком в армейской среде нанесло непоправимый удар по диалектам. За четыре года войны солдаты настолько привыкли к общению на

французском языке, что, вернувшись домой, стали говорить на нем со своими детьми»²⁰.

Во время Второй мировой войны франкоговорящие беженцы из военных портов Бреста и Лориена, которые скрывались от англо-американских бомбардировок в бретонских деревнях, ввели практику общения с местным населением на французском языке. Многочисленные диоцезы вводили для них проповеди на французском языке. В целом, с учетом их последующего многолетнего пребывания там, перевес французского языка в коммуникативном пространстве многих бретонских деревень и маленьких городов стал более ощутимым²¹.

Миграция бретонского населения, начавшаяся накануне Первой мировой войны, стала массовой после Второй мировой войны, что усилило регресс бретоноговорящего населения. Негативно сказался на репутации бретонцев возросший национализм во время фашистской оккупации Франции. Часть бретонцев активно поддерживала режим Виши, который ратовал за предоставление больших свобод регионам, в том числе Бретани. Идеи сепаратизма нашли свое крайнее выражение в региональном бретонском движении *Emsav*, которое особенно активно сотрудничало с нацистами, надеясь на получение независимости Бретани под протекторатом Германии. После освобождения антибретонские настроения во Франции усилились, а с ними усилилось желание самих бретонцев дистанцироваться от репутации «коллорационистов» и, как следствие, от бретонской культурной идентичности и бретонского языка. При этом из-за действий некоторой части бретонцев, сотрудничавших с нацистским режимом, надолго осталась в тени деятельность большого количества тех, кто в Бретани участвовал в группах движения Сопротивления, таких как *Sao Breiz* (Восстань Бретань) и *le groupe Liberté de Saint-Nazaire* (группа Свободы Сент-Назар)²².

Подводя итог анализу изменений в коммуникативной ситуации Бретани, повлекших вытеснение бретонского языка французским, обозначим главные составляющие этого процесса. Во-первых, это центристская языковая политика Франции, развившаяся в послереволюционный период в сторону объединения разрозненного языкового пространства страны. Во-вторых, введение в конце XIX в. всеобщего школьного образования с заменой региональных языков на общенациональный французский (в Бретани, как специфическом аллолотном регионе, подобная замена сопровождалась введением авторитарных мер, которые культивировали негативный образ бретонского языка и бретонской культурной идентичности). В-третьих, на изменении коммуникативной ситуации в пользу французского монолингвизма сказалось введение всеобщей воинской повинности и участие Франции в мировых войнах первой половины

XX в. (за годы Первой мировой войны для бретонских солдат, как и для солдат из других регионов, французский язык стал привычным средством общения, который они не захотели менять по возвращении домой).

Кроме того, сокращение использования бретонского языка было обусловлено социально-экономическими причинами: возросшей урбанизацией региона; переездом многих бретонцев в экономически более развитые регионы страны; внедрением такой социально-экономической категории, как оплачиваемый отпуск; развитием туризма; распространением общенациональной прессы на французском языке, появлением радио и телевидения; созданием движений сельской католической молодежи J. A.C. (Jeunesse agriole catholique), сельской католической молодежи среди женщин J. A.C.F. (Jeunesse agriole catholique des femmes), для которых французский язык стал объединяющим началом. Психологические факторы (эволюция регионального менталитета, престиж французского языка, считавшегося языком прогресса, цивилизации и культуры, в отличие от бретонского языка, социальный статус которого был значительно понижен) окончательно сформировали коммуникативную ситуацию в Бретани, сделав в ней французский язык доминирующим средством общения.

Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РГНФ научного проекта № 13-04-00107.

Примечания

- ¹ См.: *Broudic F.* La pratique du breton de l'Ancien Régime à nos jours. Rennes, 1995 ; *Chanet J. – F.* L'école républicaine et les petites patries. Paris, 1996 ; *Boutan P.* De l'enseignement des langues. Paris, 1996.
- ² См.: *Purren L.* L'École française face à l'enfant alloglotte. Contribution à une étude des politiques linguistiques éducatives mises en œuvre à l'égard des minorités linguistiques scolarisées dans le système éducatif français du 19e siècle à nos jours. Thèse de doctorat en Didactologie des Langues et des Cultures. Paris, 2004.
- ³ *Élégoët L.* Bretagne, une histoire. Rennes, 1998. P. 185.
- ⁴ *Lagrée M.* Religion et cultures en Bretagne. 1850–1950. Paris, 1992. P. 240.
- ⁵ *Chervel A.* L'enseignement du français à l'école primaire : 1791–1879. Paris, 1992. P. 31.
- ⁶ *Cortier C., Purren L.* Français et langues régionales et/ou minoritaire. URL: http://www.ape-louisgardes.org/occitan/S6_Texte_1_Cortier_Puren.pdf (дата обращения: 10.03.2013).
- ⁷ См.: *Broudic F.* Défense de cracher per terre et de parler breton // Bulletin de la Société Archéologique du Finistère. 2001. P. 363–370.
- ⁸ См.: *Piriou Y.-B.* Défense de cracher par terre et de parler breton. R., 1971.
- ⁹ Цит. по: *Broudic F.* La pratique du breton de l'Ancien Régime à nos jours. P. 314.
- ¹⁰ См.: *Purren L.* Pédagogie, idéologie et politique linguistique // Glottopol. 2003. № 1. URL: <http://www.Univ-rouen.fr/dyaling/glottopol> (дата обращения: 15.03.2013).
- ¹¹ Цит. по: *Purren C.* Histoire des méthodologies de l'enseignement des langues. Paris, 1988. P. 38.
- ¹² Ibid. P. 40.
- ¹³ См.: *Calvet L.-J.* Linguistique et colonialisme. Paris, 1974 ; *Meschonnic H.* De la langue française. Essai sur une clarté obscure. Paris, 1997.
- ¹⁴ См.: *Cortier C., Puren L.* Français et langues régionales et/ou minoritaire. URL: http://www.ape-louisgardes.org/occitan/S6_Texte_1_Cortier_Puren.pdf (дата обращения: 10.03.2013).
- ¹⁵ *Rohou J.* Fils de Ploucs. Rennes, 2007. P. 30.
- ¹⁶ *Le Coadic R.* L'identité, on la produit plus qu'on ne la reproduit // Hopala! 1999. № 12. P. 6.
- ¹⁷ *Abalain H.* Histoire de la langue bretonne. Paris, 2003. P. 53.
- ¹⁸ Ibid. P. 59.
- ¹⁹ Ibid. P. 72.
- ²⁰ *Клоков В. Т.* Французский язык во Франции. Особенности социально-территориальной вариативности. Саратов, 2011. С. 116.
- ²¹ См.: *Falc'hun F.* Langue bretonne // Bulletin International de Documentation Linguistique. Louvain, 1958. P. 259.
- ²² См.: *Monnier J.-J.* Bretagne et identités régionales pendant la Seconde Guerre Mondiale. Brest, 2002. P. 110.